

* George Keenan

Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ БУНТА РАЗИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1891

Д. Л. МОРДОВЦЕВЪ

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ БУНТА РАЗИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

1891

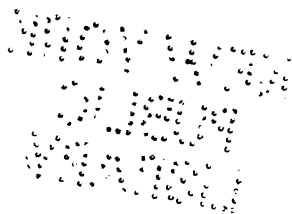

* Q 111

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
10621A
ASTOR
TILDEN
1941

NOV 1941
28
1941

ЗА ЧЪИ ГРѢХИ

I.

Царское сидѣнье.

Въ грановитой палатѣ, въ столовой избѣ, у великаго государя съ боярами «сидѣнье».

Это было 5-го мая 1664 года.

Съ ранняго утра, которое выдалось такимъ яркимъ и теплымъ, обширная площадь около дворца запружена каретами, колымагами и боярскою дворовою челядью съ осѣдланными конями въ богатой сбруѣ. Экипажи и кони принадлежать московской знати, нахлынувшей во дворецъ къ царскому сидѣнью: обширное постельное крыльцо, словно маковое поле, пестритъ цвѣтною и золотною одеждою площадныхъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ.

Эта пестрая и шумная толпа поминутно разступается и поклонами провожаетъ знатныхъ и близкихъ бояръ, которые черезъ постельное крыльцо проходятъ прямо въ царскую переднюю. Это уже великая честь, до которой стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ высоко, какъ до креста на колокольнѣ Ивана Великаго.

Но и передняя уже давно полна: кромѣ бояръ, въ ней толпятся, по праву, окольничіе, что удостоиваются

великой чести быть иногда «около» самого государя, равно думные дворяне и думные дьяки.

Наконецъ, въ самой столовой избѣ, въ «комнатѣ», — высшая знать московская, самые сановитые бородачи. Тутъ же и великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ. Онъ сидитъ въ переднемъ углу, на возвышеніи со ступенями. Подъ нимъ большое золоченое кресло. Столовая изба такъ и блеститъ золотомъ и серебромъ изыщной, а чаще аляповатой московской работы: на одномъ окнѣ, на золотномъ бархатѣ, красуются рядомъ четверо серебряныхъ часовъ-курантовъ; у того же окна — серебряный стѣнной «шандалъ»; на другомъ окнѣ — большой серебряникъ съ лоханью, а по сторонамъ его — высокие разсолъники; на третьемъ окнѣ, на золотномъ бархатѣ — другой серебряный разсолъникъ, да серебряная позолоченая бочка, «мѣроу въ ведро». На рундукѣ, противъ государева мѣста, и на ступеняхъ, постланы дорогіе персидскіе ковры; около столпа, упирающагося въ потолокъ столовой избы — поставецъ: на немъ ярко горятъ подъ лучами весенняго солнца всевозможные драгоцѣнные сосуды — золотые, серебряные, сердоликовые, яшмовые.

Едва царь усѣлся въ кресло, какъ на постельномъ крыльцѣ произошло небывалое смятеніе. Послышался смѣшанный говоръ, изъ котораго выдѣлялись отдѣльные голоса:

— Хохлы! хохлатые люди ѣдутъ!

— Это черкасы, гетмановы Ивана Брюховецкаго посланцы на отпускъ къ великому государю.

— Смотрите! смотрите! какіи усищи!

— И головы бриты, словно у татаръ.

— Только у татаръ хохловъ нѣту, а эти съ хохлами.

Дѣйствительно, изъ-за каретъ и колымагъ, запружавшихъ дворцовую площадь, показалась небольшая группа всадниковъ. Это и были гетманскіе посланцы, всего пять человѣкъ. Ихъ сопровождалъ стрѣлецкій сотникъ, а почетную свиту ихъ составляли три взвода стрѣльцовъ отъ трехъ приказовъ, только безъ пищалей, какъ полагалось по придворному церемоніалу. Своеобразная, очень красивая одежда и вся внѣшность украинцевъ, столь рѣдкихъ въ то время гостей на Москвѣ, не могли не поражать москвичей. Высокія смушковые шапки съ красными верхами, лихо заломанныя къ затылку и на бекрень; выпущенные изъ-подъ шапокъ, словно дѣвичьи косы, чубы-оселедцы, закинутае за ухо и спускавшіеся до плечъ; длинныя, ниспадавшіе жгутами, черныя усы; яркіе цвѣтныя жупаны, отороченныя золотыми позументами; такія же яркія, только другихъ, еще болѣе кричащихъ цвѣтовъ шаровары, пышныя и широкія какъ юбки и убранныя въ желтыя и красныя сафьянныя сапоги съ серебряными «острогами» и подковами,—все это невольно бросалось въ глаза, вызывало удивленіе москвичей.

Посланцы сошли съ коней и направились къ постельному крыльцу.

— Потѣситесь малость, господа стольники и стряпчіе!—дайте дорогу посланцамъ его ясновельможности гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и всего войска запорожскаго низоваго,—говорилъ стрѣлецкій сотникъ, проводя посланцевъ чрезъ постельное крыльцо.

— Добро пожаловать, дорогіе гости! — слышались привѣтствія среди толпившихся на крыльцѣ.

Посланцы вступили въ переднюю, а изъ нея введены были въ столовую избу предъ лицо государя. Ихъ встрѣтилъ думный дьякъ Алмазь Ивановъ. Бояре, чинно сидѣвшіе въ избѣ и почтительно уставившіе брады свои и очи въ свѣтлыя очи «типайшаго», такъ же чинно повернули брады свои и очи къ вошедшимъ. Полное, добродушное лицо царя и особенно глаза его освѣтились едва замѣтною привѣтливою улыбкой.

Посланцы низко поклонились и двумя пальцами правыхъ рукъ дотронулись до полу. Это они ударили челомъ великому государю, по этикету. Но всѣ молчали.

Тогда выступилъ Алмазь Ивановъ и, оборотясь къ лицу государя, громко возгласилъ:

— Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Запорожскаго гетмана Ивана Брюховецкаго посланцы, Гарасимъ Яковлевъ съ товарищи, вамъ великому государю челомъ ударили и на вашемъ государскомъ жалованьѣ челомъ быють.

Посланцы снова ударили челомъ.

— Гарасимъ! Павелъ! — снова возгласилъ дьякъ, обращаясь уже къ посланцамъ: — великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ: тебѣ, Гарасиму, — отласъ гладкой, камка, сукно лундышъ, два сорока соболей да денегъ тридцать рублевъ.

Гарасимъ ударилъ челомъ на государскомъ жалованьѣ и поправилъ оселедецъ, который словно дѣвичья коса перевѣсился съ бритой головы на крутой лобъ запорожца.

— А тебѣ, Павлу,—продолжалъ дьякъ, обращаясь къ Павлу Абраменку, товарищу Гарасима,—тебѣ—отласъ, сукно лундышъ, сорокъ соболей да денегъ двадцать рублевъ.

И Абраменко ударилъ челомъ.

— А васъ, запорожскихъ казаковъ (это дьякъ говорилъ уже остальнымъ тремъ запорожцамъ, стоявшимъ позади посланцевъ) и твоихъ посланныхъ людей (это опять къ Гарасиму) царское величество жалуетъ своимъ государскимъ жалованьемъ отъ казны.

И остальные ударили челомъ.

Царь, сидѣвшій до этого времени неподвижно въ своемъ золотномъ одѣяніи, словно икона въ золотой ризѣ, повернулъ лицо къ Алмазу Иванову и тихо проговорилъ:

— Сказывай наше государское слово.

И дьякъ возгласилъ заранѣе приготовленную и одобренную царемъ и боярами рѣчь.

— Гарасимъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ вамъ сказати: пріѣзжали есте къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, по присылкѣ гетмана Ивана Брюховецкаго и всего войска запорожскаго съ листомъ. И мы, великій государь, тотъ листъ выслушали, и гетмана Ивана Брюховецкаго и все войско запорожское, за ихъ службу, что о нашей цар-

скаго величества милости ищутъ, жалуюмъ, милостиво похваляемъ и, пожаловавъ васъ нашимъ царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить къ гетману и ко всему войску запорожскому. И посылаемъ съ вами къ гетману и ко всему войску запорожскому нашу царскаго величества грамоту. Да къ гетману-жъ и ко всему войску запорожскому посылаемъ нашего царскаго величества ближнего стольника Родіона Матвѣевича Стрѣшнева да дьяка Мартемьяна Бредихина. И какъ вы будете у гетмана, у Ивана Брюховецкаго, и у всего войска запорожскаго, и вы ему, гетману, и всему войску запорожскому нашу царскаго величества милость и жалованье разскажите.

Проговоривъ это, Алмазъ Ивановъ, по знаку царя, приблизился къ «тишайшему» и взялъ изъ рукъ его грамоту, и тутъ же передалъ ее главному гетманскому посланцу, который, почтительно поцѣловавъ ее и печать на ней, бережно уложилъ въ свою объемистую шапку.

Затѣмъ дьякъ, опять-таки по знаку царя, обратился снова къ посламъ:

— Гарасимъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ, посланцевъ гетмана и всего войска запорожскаго, къ рукѣ.

«Гарасько—бугай», какъ его дразнили въ Запорожьѣ товарищи за его воловью шею и за такое же воловье здоровье, тихо, но грузно ступая по полу своими желтыми сафьянными сапожищами съ серебряными острогами, приблизился къ ступенямъ, которыя вели къ

государеву сидѣнью, осторожно поставилъ ногу на первую ступень, какъ бы боясь, что она не выдержитъ воловьего груза, потомъ на вторую и, перегнувшись всѣмъ своимъ массивнымъ корпусомъ, бережно приложился къ бѣлой, пухлой, «якъ у матушки игуменѣ» (подумалъ онъ про себя), выхоленной царской рукѣ, словно къ плащаницѣ. За нимъ приложились и остальные посланцы. Только послѣдній изъ нихъ, Михайло Брейко, поцѣловавъ царскую руку и почтительно пятась назадъ, оступился на ступенькѣ и грузно повалился на полъ у подножія государскаго сидѣнья.

— Оце лихо! николи съ коня не падавъ, а тутъ, бачъ, упавъ!—неволью вырвалось у него.

Наивность запорожца разсмѣшила «тишайшаго», а за нимъ разсмѣялась и вся столовая изба.

Молодецъ, однако, скоро оправился и сталъ на свое мѣсто, а дьякъ Алмазь снова выступилъ съ отпускной рѣчью.

— Гарасимъ!—возгласилъ онъ:—Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ—въ стола мѣсто кормъ.

Посланцы въ послѣдній разъ ударили челомъ на государевѣ жалованьѣ—на корму—и удалились.

— Какіе молодцы!—весело сказалъ Алексѣй Михайловичъ, когда за казаками затворилась дверь:—съ такимъ народомъ любо жить въ братской пріязни и любительствѣ.

Въ это время изъ-за широкихъ боярскихъ спинъ съ задней скамьи, поднимается стройный молодой

человѣкъ и выступаетъ на середину избы. Одежда на немъ была богатая, изысканная, какую носила тогдашняя золотая молодежь. Изъ-подъ кафтана темно-малиноваго бархата ярко выдѣлялся зипунъ изъ бѣлаго атласа съ рукавами изъ серебряной обьяри; къ вороту зипуна пристегнута была высокая, шитая, разукрашенная жемчугомъ и драгоценными камнями «обнизь» — родъ стоячаго воротника. Кафтанъ, скорѣе—кафтанецъ, на немъ былъ такой же щегольской: запястья у рукавовъ кафтанца были вышиты золотомъ, по которому сверкали крупныя зерна жемчуга, а разрѣзъ спереди кафтанца и подолъ оторочены были золотною узкою тесьмою съ серебрянымъ кружевомъ; шелковые шнуры съ кистями и массивныя пуговицы съ изумрудами дѣлали кафтанецъ еще наряднѣе.

При видѣ наряднаго молодого человѣка Алексѣй Михайловичъ привѣтливо улыбнулся. Тотъ истоиво ударилъ челомъ — по-божески: поклонился до земли и коснулся лбомъ пола.

— А — это ты Иванъ Воинъ, — привѣтствовалъ его государь.

Молодой человѣкъ поднялся съ полу и откинулъ назадъ курчавые волосы. Лицо его рдѣло отъ смущенія, хотя онъ и отвѣтилъ улыбкой на улыбку царя.

— На отпускъ пришелъ? — спросилъ послѣдній.

— На отпускъ, великій государь, — былъ отвѣтъ.

Алексѣй Михайловичъ обратился къ Алмазу Иванову.

— Все готово къ отъѣзду?

— Все, государь, — отвѣчалъ дьякъ, — все въ посольскомъ приказѣ.

— И грамоты къ посламъ, и наша царская казна?

— Все, великій государь, какъ ты указалъ и бояре приговорили.

— Хорошо. — Поѣзжайте же (Алексѣй Михайловичъ обратился къ молодому человѣку)—поѣзжай съ Богомъ, да кланяйся отъ меня отцу. — Простись со мной—и ступай съ Богомъ.

Молодой человѣкъ поднялся къ царскому сидѣнью и горячо поцѣловалъ государеву руку. Алексѣй Михайловичъ поцѣловалъ его въ голову какъ родного сына.

— Учись у отца служить намъ великому государю,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ столовой избы весь взволнованный.

II.

А соловей-то заливается!..

Вечеромъ того же дня, съ котораго началось наше повѣствованіе, по одному изъ глухихъ проулковъ, выходившихъ къ Арбату, осторожно пробиралась закутанная въ темный охабень высокая фигура мужчины. Легкая соболевая шапочка такъ была низко надвинута къ самымъ бровямъ и воротъ охабня такъ поднятъ и съ затылка и выше подбородка, что лицо незнакомца трудно было разглядѣть. По всему видно было, что онъ старался быть незамѣченнымъ и неузнаннымъ. Повременамъ онъ осторожно оглядывался—не видать ли кого-либо сзади. Но переулокъ, скорѣе проулокъ, былъ слишкомъ глухъ, чтобъ по немъ часто